

DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.015
УДК 94(44)“1793” + 323.27(44) +
+ 323.22(44)

М. Ю. Чепурина
*Государственный академический университет
гуманитарных наук*
Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ЛИОНЕ ПЕРИОДА ОСАДЫ ВОЙСКАМИ КОНВЕНТА (8 АВГУСТА — 7 ОКТЯБРЯ 1793 г.)*

Статья посвящена внутренней жизни города Лиона в период его осады якобинскими войсками. 29 мая 1793 г. радикалы, находившиеся у власти в этом городе, были свергнуты умеренными деятелями. Вскоре это вызвало конфликт с Конвентом, из которого как раз тогда изгнали жирондистов. Власти Парижа объявили Лион контрреволюционным и двинули на него войска. Осада длилась с 8 августа по 7 октября 1793 г., после чего город сдался и в нем начались репрессии.

Основными источниками для данного исследования послужили протоколы работы различных органов власти Лиона: Народной республиканской комиссии общественного спасения, муниципалитета, революционных комитетов отдельных секций. Привлекались также пресса, мемуары, донесения противника. Были использованы такие методы, как сравнительно-исторический анализ, контент-анализ.

Целью работы было воссоздание реалий повседневной жизни Лиона в период осады с тем, чтобы в дальнейшем попытаться дать определение политическим силам, пришедшим к власти в этом городе 29 мая 1793 г. Исследование показало, что лионские порядки того времени очень напоминали порядки в якобинском Париже. Хотя переворот 29 мая произошел под лозунгами защиты частной собственности, жилищ и жизни людей от покушений радикалов, обстоятельства осады заставили новые власти обратиться к тем же чрезвычайным методам, против которых город только что восставал. Жизнь осажденного Лиона представляет собой необычную попытку балансировать между соблюдением прав человека и типичными практиками военно-революционного времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Лион; Французская революция; федералистский мятеж; якобинцы; жирондисты; осада.

Ц и т и р о в а н и е: Чепурина М. Ю. Политическая и социально-экономическая жизнь в Лионе периода осады войсками Конвента (8 августа — 7 октября 1793 г.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 213–226.

*Поступила в редакцию 15.12.2018
Принята к печати 26.02.2019*

* Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Maria Yu. Chepurina

*State Academic University for the Humanities
Moscow, Russia*

**POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC LIFE IN LYON
DURING THE SIEGE BY THE TROOPS OF THE CONVENTION
(AUGUST 8 – OCTOBER 7, 1793)**

This article considers the inner life of the city of Lyon during its siege by the Jacobin troops. On May 29, 1793, the radicals who were in power in the city were overthrown by moderate figures. Shortly thereafter, this caused a conflict with the Convention, which the Girondists were expelled from at the time. The Paris authorities declared Lyon counter-revolutionary and moved troops to it. The siege lasted from August 8 to October 7, 1793, after which the city surrendered, and repression began.

The study mostly refers to protocols of the work of various authorities in Lyon: the People's Republican Committee of Public Safety, the municipality, and the revolutionary committees of certain sections. Additionally, the author refers to press materials, memoirs, and reports made by the enemy, using methods of comparative historical analysis and content analysis.

The author aims to recreate the realities of everyday life in Lyon during the siege period in order to further try and define the political forces that came to power in the city on May 29, 1793. The study demonstrates that the Lyon orders of the time very much resembled the orders in Jacobin Paris. Although the May 29 coup took place under the slogans of protecting private property and people's homes and lives from the attacks of the radicals, the circumstances of the siege forced the new authorities to resort to the same extreme methods which the city had just rebelled against. The life of besieged Lyon is an unusual attempt to balance between the observation of human rights and the typical practices of the military revolutionary time.

Key words: Lyon; French Revolution; federalist revolt; Jacobins; Girondins; siege.

Acknowledgements

The study was supported by a grant of the Government of the Russian Federation under the subprogram "Institutional Development of the Research Sector" of the state programme of the Russian Federation "Development of Science and Technology" for 2013–2020. Agreement 14.Z50.31.0045.

Citation: Chepurina, M. Yu. (2019). Politicheaskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya zhizn' v Lione perioda osady voyskami Konventa (8 avgusta – 7 oktyabrya 1793 g.) [Political and Socio-economic Life in Lyon during the Siege by the Troops of the Convention (August 8 – October 7, 1793)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 1 (184), 213–226.

Submitted on 15 December, 2018

Accepted on 26 February, 2019

Лион был одним из тех городов, где в 1793 г. не признали диктатуру мон-
ньяров. Примерно тогда же, когда в Париже выгоняли жирондистов из Конвента,

здесь власть, напротив, перешла от более радикальных сил к более умеренным. 29 мая лионцы свергли муниципалитет, чьим идейным вдохновителем был М. Ж. Шалье и члены которого призывали бедняков расправляться с богачами и в целом были близки по духу к парижским «бешеным».

В течение двух месяцев, последовавших за этим переворотом, отношения Лиона и Парижа постепенно ухудшались и, наконец, дошли до полного разрыва. Этому немало поспособствовал комиссар Конвента при Альпийской армии (она располагалась рядом, в Гренобле) Э. Л. А. Дюбуа-Крансе: он с самого начала занял враждебную позицию по отношению к новым властям Лиона, объявил их роялистами и добивался от Конвента отправки войск на столицу древней Галлии. В начале августа его желание исполнилось: Лион осадили возглавляемые Ф. Э. Келлерманом военные части, набранные из национальных гвардейцев окрестных департаментов. Два месяца спустя они возьмут город, в нем начнутся кровавые репрессии. «Лиона больше нет» — решит Конвент и назовет остаток домов Освобожденным городом...

По меркам быстро меняющегося революционного времени два месяца — это целая эпоха. За этот отрезок времени в Париже был введен всеобщий максимум, принят декрет о подозрительных, заработал новый календарь, начался суд на Марией-Антуанеттой... А в Лионе? Как оборонялись его граждане? Какой ответ они сумели дать на столь серьезный вызов их безопасности? Как совмещались свободолюбивые принципы XVIII в. с реалиями осадной жизни? На все эти вопросы мы попробуем дать ответы в настоящей статье. И, возможно, приблизимся к решению главной проблемы, связанной с лионским восстанием: кем были его вожаки — роялистами, жирондистами, некой разновидностью якобинцев или еще кем-то?

Кому принадлежала власть в Лионе

Стандартная пирамида власти во французском регионе времен Революции была такой: администрация города (муниципалитет), над ней — администрация дистрикта, а над той, в свою очередь, — администрация департамента (в нашем случае — Рона-и-Луара).

Все эти ступени поздним летом — ранней осенью 1793 г. присутствовали и в Лионе, но имели слабое влияние. Более-менее проявлял активность муниципалитет с мэром Ж. Ж. Куандром (*Coindre*) во главе, но это при том, что перед началом осады значительная часть его членов просто-напросто разбежалась. То же самое можно сказать об администрациях дистрикта и департамента, влияние которых на обстановку в период осады вообще не просматривается. По словам лионского историка прошлого века К. Рифатера, тогда они «были лишь фантомами» [Riffaterre, p. 534].

Наибольшую активность из всех органов власти проявляла не предусмотренная никакими правовыми нормами Народная республиканская комиссия общественного спасения Роны-и-Луары. Это было собрание депутатов,

откомандированных первичными ассамблеями коммун и секций департамента, которое начало работу 30 июня и действовало до конца осады. В том, что этот самочинно созданный орган взял на себя принятие большинства первостепенных решений, в немалой степени и состояла вина Лиона в глазах Парижа. Впрочем, значительная часть депутатов из Народной республиканской комиссии также сбежала перед осадой [Riffaterre, p. 534].

Разумеется, как всегда бывает на войне, большое влияние имели военные. обороной города руководил Л. Ф. Перрен де Преси — бывший полковник королевской гвардии, участвовавший 10 августа 1792 г. в защите Тюильри. Его мнение, очевидно, имело немаловажное значение для управления городом.

Однако список городских властей был бы неполным без еще одного элемента — секций. И до осады, и во время нее сформированный после 29 мая муниципалитет делегировал им значительную часть властных полномочий: активисты секций занимались выявлением и арестом потенциально опасных элементов, аккумулировали и распределяли продукты питания, занимались раскладкой и взиманием налогов и сборов, а также постоянно выступали с различными инициативами по улучшению управления городом. Несколько раз в течение осады для обсуждения важнейших вопросов проводились собрания начальников секций. Одно из таких собраний в начале октября и приняло решение о сдаче города.

Таким образом, о единой, твердой и централизованной власти, которая обычно требуется осажденному городу, в данном случае говорить не приходится.

Организация гражданской обороны и меры «общественного спасения»

Первое время после начала осады активных боевых действий не велось, и стороны в основном были заняты переговорами. Однако с середины августа начались артиллерийские обстрелы Лиона, в том числе калеными ядрами. Они провоцировали не только разрушения, но и пожары, необходимость борьбы с которыми вызвала к жизни ряд специфических мер. Пожары породили также страх перед поджигателями-шпионами, якобы действующими внутри города в интересах противника.

В городе был введен комендантский час. Люди, оказавшиеся на улице вечером позднее, чем через полчаса после выстрела сигнальной пушки, подлежали аресту, в том числе дети, женщины и старики. Сборища, состоявшие из более чем трех человек, велено было пресекать любыми средствами, а их участников арестовывать [Riffaterre, p. 551, 553]. Это также касалось и женских сборищ: считалось, что они особенно опасны, ибо внешне не кажутся таковыми из-за слабости женского пола, но способствуют распространению вредных слухов. 21 августа дискуссию в Народной комиссии об «опасных бабах, которые баламутят народ», прервало только появление посланца от осаждающей армии [Procès-verbaux..., p. 192]. Подозрительность по отношению к гражданкам нагнетала газета «*Сарриер*», напоминая, что женщины якобы добивали раненых в день

восстания 29 мая и что в их толпе удобно прятаться злодеям [Journal de Lyon, p. 501].

У всех домов велено было поставить емкости с водой [Lyon en 1793. Le siège, p. 47]. По улицам ходили патрули из ветеранов. Каждый домовладелец должен был иметь в доме дежурного, чтобы открыть патрульным дверь, если им понадобится пройти внутрь для ликвидации последствий обстрела или поимки злоумышленника [Riffaterre, p. 552]. Также для удобства патрулирования и отлова преступников окна первых этажей домов должны были быть в темное время суток освещены. Остальные окна, напротив, освещать запрещалось: этот свет мог помочь противнику производить обстрелы, так что на верхних этажах не только не должно было быть источников света, но и ставни полагалось держать закрытыми [Lyon en 1793. Le siège, p. 91–92]. Хотя вскоре опыт осады показал, что открытые окна меньше страдают от бомбардировок, чем закрытые [Ibid., p. 98], сведений об изменении вышеуказанных правил нам найти не удалось. Зато на горожан возложили обязанность раскладывать на улицах мокрые сено и солому для предупреждения пожаров [Ibid., p. 91–98]. В конце сентября для борьбы с пожарами были также сформированы специальные бригады из «реквизированных» каменщиков, плотников и архитекторов [Procès-verbaux..., p. 205].

Сараи и амбары приказано было очистить от легковоспламеняющихся вещей. Добиться соблюдения всеми этого распоряжения было сложно: не помогали даже штрафы, взимавшиеся с нарушителей в пользу погорельцев [Ibid.]. Необходимость борьбы с огнем дала, таким образом, основания для посягательств на частную собственность и для вторжения в жилища. Сначала в отдельных секциях стали производиться обыски у отдельных лиц и вскрытие запертых помещений, хозяева которых отсутствовали [Lyon en 1793, p. 53, 59]. Затем, в начале сентября, постановили провести массовые обыски («домашние визиты») с целью выяснить, не хранятся ли еще где-то горючие материалы, везде ли достаточно людей для борьбы с пожарами и не прячутся ли злоумышленники в пустых домах [Lyon en 1793. Le siège, p. 96–97]. Любопытно, что вторжения в жилища неугодных лиц как раз и были одной из причин недовольства прежней администрацией и восстания 29 мая. Правда, сразу после восстания некоторые секции настаивали на проведении «домашних визитов» к сторонникам старой власти, но муниципалитету удалось тогда удержать лионцев от этой противоправной меры. Во время же осады муниципалитет уступил.

Несмотря на предосторожности, обстрелы продолжали вызывать пожары, а это, в свою очередь, породило упорные слухи о вредителях, которые якобы поджигают город изнутри и таким образом помогают противнику. В частности, уничтожение Арсенала приписывалось именно им, а не обстрелу, произведенному вражеской артиллерией [Ibid., p. 78]. Упоминаниями о вредителях пестрят все доступные нам источники: в их существовании никто не сомневался. Вредителей арестовывали ежедневно, якобы с некими письмами и зажигалками [Ibid., p. 80]. Для отслеживания того, как они будут подавать сигналы врагу, во время бомбардировок предлагалось ставить на крышах специальных дозорных

[Lyon en 1793. Le siège, p. 92]. Впрочем, любые дозорные и часовые тоже были потенциальной опасностью, поскольку шпионы могли выдавать себя за них [Ibid., p. 69]. Для предупреждения таких случаев Секция прав человека решила снабдить своих патрульных специальными удостоверениями, а не только трехцветными лентами, как ранее [Lyon en 1793, p. 60]. Аптекарям и бакалейщикам запретили продажу серы и иных горючих веществ, во избежание использования их поджигателями. Не подчинившиеся торговцы объявлялись врагами родины [Procès-verbaux..., p. 207].

Кроме поджигателей, лионцам мерещились также снайперы в окнах и на крышах домов [Journal de Lyon, p. 502]. Подозрение вызывали и бездомные: секция Пор-дю-Тампл предлагала поместить их всех в специальные строения и содержать там до конца осады, дабы вредители не смогли действовать под видом бродяг [Lyon en 1793. Le siège, p. 98]. Пить рекомендовалось из колонок, а не из колодцев, ибо те могли быть отравлены злоумышленниками [Procès-verbaux..., p. 216]. Секция прав человека предупреждала, что сторонники свергнутых радикалов могут вламываться в дома и убивать, а потому за ними надо пристально следить, арестовывать и обыскивать, особенно внимательно проверяя башмаки [Lyon en 1793, p. 60]. Поговаривали и о лжеврачах [Procès-verbaux..., p. 228].

Курьезный случай, характеризующий степень нервного напряжения в городе, произошел 21 августа. Над больницей Св. Ириней увидели белый флаг. Это посчитали признаком мятежа, и к больнице прибыл патруль. Оказалось, то, что приняли за флаг, — всего лишь занавеска, которую вытянул из окна и треплет ветер [Lyon en 1793. Le siège, p. 61].

Особенно страх вызывали те, кто был связан с прежними властями, арестован после восстания 29 мая и содержался в тюрьмах. 16 июля был казнен лидер лионских радикалов Шалье, а также его сподвижник Риар, но множество их товарищей еще не получили своих приговоров. Горожане боялись враждебных действий с их стороны, тем более что Конвент занял откровенно покровительственную позицию по отношению к этим заключенным. Народная комиссия велела отрядить от каждой секции людей для наблюдения за тюрьмами [Procès-verbaux..., p. 211]. Какие-то горячие головы хотели ворваться в тюрьмы и устроить там резню: по крайней мере, об этом ходили слухи [Lyon en 1793. Le siège, p. 99]. На всякий случай заключенным 29 мая запретили общаться между собой и со внешним миром, у них отобрали чернила и перья [Lyon en 1793, p. 219–220]. Говорили о том, что этих людей надо поскорее судить не только для того, чтобы наказать, но и для того, чтобы освободить невиновных [Lyon en 1793. Le siège, p. 105]. Однако в Лионе после смены власти не было сформированных по всем правилам судебных органов [Procès-verbaux..., p. 212], а члены прежних зачастую как раз и сидели под арестом, дожидаясь приговора.

Шпиономания, закономерная для осажденного города, продолжалась вплоть до его сдачи, но началась она не с первыми обстрелами и пожарами, которые, напомним, последовали лишь через пару недель после подхода войск Конвента, а имела место с самого начала осады.

Еще до открытого конфликта с Парижем, уже с 29 мая, в Лионе то и дело поднимался вопрос о необходимости составить списки подозрительных и разоружить их — сторонников радикалов, «клубистов», тех, кто поддерживал прежний муниципалитет. С началом же осады эта проблема стала еще более актуальной, и уже в первой половине августа речь зашла не только о разоружении, но и об аресте неблагонадежных элементов, к которым постепенно добавлялись те, кто нарушал комендантский час, зажигал свет в окнах верхних этажей и участвовал в подозрительных собраниях, а также те, чьи родственники служили в осаждавшей Лион правительственной армии [Procès-verbaux..., p. 189]. Секция прав чело- века предложила держать подозрительных в тюрьмах до конца осады [Lyon en 1793, p. 62]. Обратим внимание на то, что эта идея была практически идентична декрету Конвента о подозрительных от 17 сентября 1793 г., по которому подозрительные должны были сидеть под арестом до конца войны! Именно с принятия этого декрета, который воплощал собой узаконенное беззаконие и по которому было произведено большинство арестов, обычно и начинают период Террора. Таким образом, Лион, свергнувший своих террористов и осажденный террористами из Парижа, фактически был близок к приведению в действие практики собственного террора.

Вероятно, осуществлению идеи своего «декрета о подозрительных» помешала ограниченность продуктовых припасов. Поэтому 26 августа, на другой день после того, как по приказу муниципалитета ряд лиц действительно был арестован ввиду своей «подозрительности», их просто изгнали из города [Riffaterre, p. 553]. Власти Лиона сознавали, что эти люди, скорее всего, пополнят вражескую армию [Lyon en 1793. Le siège, p. 89], но сочли это более приемлемым, чем расстрелять их. Также имеется сообщение об изгнании из города женщин-поджигательниц, которые, однако, вернулись, но были побриты наголо и выдворены снова [Ibid., p. 81–82]. По уверениям мемуариста аббата Э. Гийона, многих пойманных с поличным поджигателей и шпионов не наказали, а лишь прокляли перед лицом потомков [Guillon, p. 41]. Думается, в этих историях лучше всего проявилось сочетание осадной психологии, мании заговоров, свойственной не только военной ситуации, но и духу Французской революции в целом, и традиционно высокоразвитого у французов правового сознания.

И всё же смертные казни в Лионе в период осады производились. Данные, касающиеся количества казненных, разнятся. Современный историк Л. Тренар уверенно сообщает о двух: некой женщины — за контрреволюционные разговоры и некоего администратора дистрикта Лион-пригород — за то, что собрал в трактире гражданок и выступал перед ними с пораженческими речами [Trenard, p. 414]. Бюллетень департамента Рона-и-Луара писал о казни какой-то женщины за шпионаж 5 сентября [Lyon en 1793. Le siège, p. 107]. Имеется сообщение о расстреле некоторого количества так называемых поджигателей [Ibid., p. 81]. Также к расстрелу должны были приговаривать тех, кто появлялся в белой роялистской кокарде [Journal de Lyon, p. 502]. Ими, по словам Гийона, были крестьяне, поверившие сообщениям из Парижа о том, что в Лионе власть захватили роялисты.

Эти селяне приходили в город, надев на себя символ роялизма, за что, якобы, и заплатились жизнью [Guillon, p. 15]. Впрочем, ниже Гийон, противореча себе, пишет, что за время осады в Лионе казнили всего лишь троих: женщину, якобы поджегшую Арсенал, и двух мужчин, совершивших покушение на командующего лионской армией Преси [Ibid., p. 41].

Как бы то ни было, в любом случае получается, что казнили за два месяца осады больше людей, чем за два предыдущих, когда головы сложили только Шалье и Риар. И уж точно значительно больше, чем в правление самого Шалье, свергнутого в частности за навязчивые призывы к кровопролитию, хотя реально при нем так никого и не казнили.

Экономические проблемы и методы их решения

Одной из причин свержения 29 мая прежнего муниципалитета были регулярно совершавшиеся им покушения на частную собственность граждан. Того же ждали и от правительственной армии. «Все, и бедные, и богатые защищали свою собственность» [Guillon, p. 41]. Лионцы считали, что армия Конвента прибыла для расхищения их имущества. Поэтому-то переговорщики от парижских властей перед началом боевых действий и пытались убедить жителей Лиона в том, что Конвент уважает частную собственность, право на которую закреплено в новой Конституции [Lyon en 1793. Le siège, p. 32]. Однако подобные заверения эффекта не возымели: Рифатер, исследовавший частные письма лионцев того периода, пришел к выводу, что осаду они воспринимали как борьбу не за какие-либо идеи, а за свою жизнь и собственность [Riffaterre, p. 514].

Обстоятельства военного времени оказались таковы, что городу не хватало практически всего. По сообщению Гийона, дети подбирали выпущенные противником ядра, чтобы защитники города могли стрелять ими обратно [Guillon, p. 95]. В столь стесненных обстоятельствах на священное право собственности приходилось покушаться...

Документы органов власти Лиона времен осады пестрят сообщениями об изъятии у граждан то горючих материалов [Lyon en 1793, p. 53, 84] — для противопожарной безопасности, то пороха [Procès-verbaux..., p. 216] — для армии, то тюков с хлопком [Guillon, p. 24] — для строительства редутов, то одеял [Procès-verbaux..., p. 218] и матрасов [Ibid., p. 191; Lyon en 1793. Le siège, p. 99] — для казарм, для больных, поскольку главная городская больница была разбомблена, а также для защиты от пуль и бомб [Lyon en 1793, p. 100]. Наконец, перед самой капитуляцией реквизировали лошадей [Procès-verbaux..., p. 237]. В Секции прав человека были мобилизованы транспортные средства граждан [Lyon en 1793, p. 64]. Часть подобных распоряжений касалась лишь имущества отсутствующих в городе людей, являясь своего рода компенсацией или наказанием за их неучастие в общем деле; другая часть относилась ко всем. Однако в обоих случаях изъятие происходило отнюдь не безвозмездно: занимавшиеся реквизициями лица обязаны были составлять реестр изъятых

имущества, фиксировать, кому оно принадлежало, чтобы после осады вернуть или компенсировать его хозяевам. В обстоятельствах, которые вынуждали забирать чужое имущество, лионские власти все же до последнего старались уважать право частной собственности.

Оплатить реквизированное сразу не представлялось возможным. Денег городу отчаянно не хватало и до начала осады, и при Шалье, и ранее. Теперь же финансовая ситуация стала совсем скверной. Уже в середине августа власти начали изыскивать самые необычные способы хоть как-то наполнить казну. Сначала объявили, что имена тех граждан, кто не заплатил налоги и при этом не служит в армии, будут оглашены публично. Если и это не подвигнет к исполнению долга, то последует изъятие капитала и движимого имущества. Те, кто попытается скрыться, заплатят втрое [Procès-verbaux..., р. 188]. 28 августа администрации города и департамента попросили секции собрать деньги на нужды обороны [Lyon en 1793. Le siège, р. 90–91]. 1 сентября Народная комиссия одобрила осадный заем в 3 миллиона ливров [Procès-verbaux..., р. 208]. На следующий день приняли решение выпустить осадные деньги, обеспеченные этим самым займом [Ibid., р. 209]. Последний разверстывался по секциям, а те, в свою очередь, определяли имущих граждан, кто был должен его платить [Lyon en 1793, р. 100]. Злостных неплательщиков предписывалось сажать в тюрьму, с уехавших — брать имуществом в четверном размере; у тех, кто уехал с вещами, — арестовывать доходы, а по возможности — и их самих [Procès-verbaux..., р. 218, 222, 230]. Секция Руссо решила брать тройную таксу с тех, кто уклоняется от военной службы [Lyon en 1793, р. 110]. Не исключено, что остальные секции тоже проявляли подобную изобретательность. Когда в конце сентября детям, женщинам и старикам предложили уйти из города, они также должны были, покидая его, внести специальный патриотический взнос [Ibid., р. 112].

Что же касается осадных денег, то с ними произошел казус: в городе не оказалось другой бумаги с филигранью, кроме как с изображением королевских лилий. Властям ничего не оставалось, как использовать ее. Боны постарались нарезать так, чтобы лилий не было видно [Procès-verbaux..., р. 221], но это не удалось. В результате осадные деньги были использованы противником как доказательство того, что в городе засели роялисты [Lyon en 1793. Le siège, р. 156].

Осада потребовала мобилизации не только военных, но и трудовых ресурсов. Лион нуждался в укреплениях, и еще до начала боевых действий власти города реквизировали рабочих на их строительство. В ходе осады необходимо было разбирать завалы, убирать с улиц битое стекло и другие следы бомбардировок, переносить больных из разрушенного госпиталя... О создании противопожарных бригад из каменщиков, плотников и архитекторов уже говорилось выше: те из представителей этих профессий, кто скрывался от трудовой повинности, в течение 24 часов должны были предстать пред трибуналом [Lyon en 1793, р. 68]. Всем врачам также полагалось находиться в распоряжении властей [Procès-verbaux..., р. 228]. Само собой, то же самое касалось всех, кто умел обращаться с оружием [Lyon en 1793, р. 54].

Однако о всеобщем трудовом энтузиазме говорить не приходилось. К рабочим надо было приставлять секционных активистов — следить, чтобы те трудились [Lyon en 1793. Le siège, p. 101]. В конце сентября, когда до сдачи города оставалась пара недель, Преси жаловался на то, что в городе все еще есть те, кто уклоняется и от службы, и от работы [Ibid., p. 124–125]; Народная комиссия требовала, чтобы молодые парни не сидели дома, якобы охраняя свое имущество, а шли служить [Procès-verbaux..., p. 229]. Предлагалось брать тройную таксу с тех, кто скрывается от военной службы и от работы. Зато тех, кто все же включится в общее дело, от этой тройной таксы освободили бы [Lyon en 1793, p. 110–111]. Труд реквизированных рабочих, как и солдат, оплачивался: те и другие получали 5 ливров (т. е. 100 су) за день и 3 ливра за ночь [Riffaterre, p. 554–555]. На жалование им у города ежедневно уходило 150 000 ливров [Guillon, p. 96]. Заметим, фунт овсяного хлеба стоил под конец осады 15 су, риса — 18 су, винограда — 3 су [Procès-verbaux..., p. 216, 226].

Столь умеренные цены в обстановке начинавшегося дефицита продовольствия объясняются тем, что власть контролировала их: в якобинском Париже был свой максимум, в антиякобинском Лионе — свой. Принимались и другие меры по защите неимущих. Хозяевам недвижимости предписывалось сдавать жилье за ту же стоимость, что и до осады [Ibid., p. 215]. То же было приказано аптекарям в отношении цен на лекарства [Lyon en 1793, p. 94–95]. Торговцев мылом также просили умерить цены [Ibid., p. 52]. Булочникам, как и до революции, доплачивали за то, чтобы те держали цены на определенном уровне. К концу осады денег в городской казне не осталось, и эти выплаты прекратились. Зато продовольствие, которое стало распределяться централизованно, теперь доставалось беднякам бесплатно; платили только имущие [Procès-verbaux..., p. 238].

Продовольственный вопрос

В начале осады Лион еще не был полностью окружен и мог торговать с внешним миром, насколько позволяли ему его ограниченные финансы и распространяемая Конвентом слава о нем как о роялистском городе. Лионцы опубликовали обращение к жителям соседних регионов с призывом продать им продовольствие [Lyon en 1793. Le siège, p. 42] и отправили туда посланников с этой миссией. Однако особых успехов в этом деле добиться не удалось: крестьяне, наслышанные о том, что Лион — прибежище контрреволюции, соглашались продавать продовольствие разве что под угрозой применения силы [Guillon, p. 43, 48].

Централизованного контроля за имевшимися в городе запасами провианта поначалу не было. Применялись лишь частные меры, направленные на предотвращение голода. Так, руководство Секции прав человека в середине августа распорядилось произвести перепись хлеба, сыра и масла у всех торговцев, попросило их умерить цены на еду и приняло решение включить в рацион овес [Lyon en 1793, p. 49–54]. В начале сентября активисты этой секции стали

обыскивать покидающие город телеги с тем, чтобы воспрепятствовать вывозу продовольствия.

Понятно, что такие меры не могли существенно улучшить положение с провиантом, которое и до осады оставляло желать лучшего, поэтому вскоре перед Лионом ощутимо встала угроза голода. Уже 29 августа командование осаждавшей город армии радостно доложило в Париж, что Лион массово покидают женщины, сообщающие о нехватке еды [Lyon en 1793. Le siège, p. 93].

К началу сентября некоторые секции ввели правило продавать хлеб лишь по секционным картам, т. е. люди имели право отовариваться только в своем районе, а булочники — продавать только своим [Ibid., p. 215].

6 сентября Народная комиссия приняла ряд серьезных решений, которые означали, что отныне продовольствие будет распределяться централизованно и нормированно. На ближайшие дни были анонсированы массовые обыски лавок и жилищ, в ходе которых должны были быть переписаны и изъяты — но по текущей цене! — все виды хлеба. Тот, кто скроет свои припасы, предстанет перед судом как заговорщик. Закрытые хлебные амбары разрешалось взламывать. Весь хлеб свозился на секционный склад и далее должен был распределяться под контролем властей. Булочникам велено было печь лишь один сорт хлеба: никаких кондитерских изделий, никаких частных заказов. Нарушители в первый раз штрафовались, во второй — отправлялись под трибунал. Также запрещалось отпускать хлеб негорожанам. Вместе с тем продажа хлеба по секционным картам отменялась. Отныне любому лионцу можно было покупать хлеб у любого булочника в городе: люди, говорилось в распоряжении, должны иметь свободу выбирать того продавца, какого считают лучшим, а некоторые секции обеспечены хуже других, так что прикреплять граждан к булочным несправедливо [Procès-verbaux..., p. 214–215].

Зато с 11 сентября в городе вводились полноценные хлебные карточки, без которых продавать основной продовольственный продукт было запрещено: за этим следили специальные чиновники, посаженные в лавках. Карточка выдавалась одна на всю семью и содержала сведения о размерах таковой [Ibid., p. 217–218]. Норма была установлена в размере 1 фунта в день на человека для гражданских и 1,5 фунта — для военных [Lyon en 1793, p. 95]. Находившиеся на казарменном положении имели отдельные карточки, и специальной заботой властей было уследить за тем, чтобы они не числились в карточках своих семей и не получали хлеб дважды. За ложную информацию о размере семьи давался штраф в 50 ливров или 8 дней тюрьмы [Ibid., p. 99].

17 сентября Комиссия пожаловалась на то, что горожане, несмотря на ее распоряжение, продолжают прятать еду, и велела вновь провести обыски — теперь уже для учета риса, который также изымался с оплатой [Procès-verbaux..., p. 223–224].

Дальнейшие протоколы Комиссии — а она просуществует до начала октября, до сдачи города, — более чем наполовину посвящены проблеме изыскания продовольственных ресурсов. 19 сентября запрещается производить вино, а собранный

виноград приказано продавать как продовольственный товар по 3 су за фунт [Procès-verbaux..., р. 226]. 22 сентября решено изъять весь картофель в городе [Ibid., р. 230]. 23 сентября Комиссия опять сетует на то, что люди продолжают прятать еду, а постановления об обысках не дают эффекта [Ibid., р. 231]. 25 сентября дневная норма снижается до полуфунта хлеба и 11 унций риса, причем бедняки получают ее бесплатно [Ibid., р. 232]. 26 сентября сообщается о вскрытии каких-то складов с растительным маслом и его раздаче из расчета по две бутылки на секцию [Ibid., р. 233]. 27 сентября принято решение собрать весь картофель в окрестностях города, а на другой день опять провести обыски и на сей раз переписать и изъять вообще все продукты. Эти обыски должны были производиться с участием военных [Ibid., р. 235]. Последняя запись в протоколе, датированная 8 октября, снова посвящена реквизиции и раздаче масла [Ibid., р. 240].

Проблемой было не только раздобыть пшеницу, но и превратить ее в хлеб. Водяные мельницы на Роне были уничтожены бомбардировками, других в городе не было: зерно растирали, кто как мог [Lyon en 1793. Le siège, р. 104; Guillon, р. 43]. Обсуждался вариант устроить ручные мельницы и приставить к ним безработных [Lyon en 1793, р. 91]. Затем работать мельниками заставили заключенных [Ibid., р. 114]. Пекарям не хватало дров для выпечки хлеба: приходилось вырубать деревья в пригородных местах для прогулок [Procès-verbaux..., р. 225] и использовать остатки домов, разрушенных бомбардировками [Lyon en 1793, р. 85]. Самих пекарей тоже не хватало: вместо них к работе привлекали женщин из монастырских пекарен [Ibid., р. 59].

Ради экономии провизии лионцы стремились также избавиться от лишних едоков. Сначала они уничтожили бродячих собак. Затем, о чем уже говорилось выше, изгнали подозрительных. В середине сентября предложили покинуть город до окончания осады также женщинам, детям и старикам [Procès-verbaux..., р. 227]. Изгнали проституток [Lyon en 1793. Le siège, р. 126]. И, наконец, если верить аббату Гийону, предложили осаждающим забрать своих пленных. Те отказались, но лионцы все равно их выгнали [Guillon, р. 77–78].

К концу осады защитникам города приходилось довольствоваться полуфунтом овсяного хлеба в день, а у гражданских не было и того [Ibid., р. 44]. В начале октября, когда осаждающие в результате очередного наступления захватили три мельницы, они, по словам генерала А. Доппе, нашли там «мешки с овсом, с овсяной мукой, с бобовой — и более никакого зерна» [Doppet, р. 5–6]. Именно голод и стал решающим фактором, который вынудил лионцев капитулировать.

Заключение

Порядки в осажденном Лионе представляли собой странную смесь демократизма и чрезвычайных мер, закономерных в военное время.

Свергнув угрожавший частной собственности муниципалитет, лионцы решили защищаться от правительственных войск, полагая, что те также станут

покушаться на их имущество. Однако нужды обороны заставили жителей непокорного города самим посягнуть на тот самый институт, который они отстаивали, и реквизировать пищу, матрасы, коней и другое имущество ради общего блага. Оставаясь верными своим принципам, власти Лиона постарались компенсировать изъятия деньгами, но достаточно денег у них для этого не было. Они приказывали составлять реестры реквизированного, но реально ли было обеспечить будущую компенсацию собственникам в осадной сумятице? А ведь при этом город старался еще заботиться о бедных, поддерживать на доступном уровне цены и платить достаточное жалование мобилизованным.

Еще одной причиной свержения муниципалитета Шалье была насаждаемая тем атмосфера страха и ненависти, произвольные аресты и вторжения в жилища. И здесь повторилась та же история: осада вынудила лионцев прибегнуть как раз к тому, против чего они восстали. Воцарившаяся с началом осады шпиономания породила некое подобие своей системы террора. Аресты «подозрительных» начались в Лионе даже чуть раньше, чем в Париже. Это было возведенное в закон беззаконие, но все же достаточно гуманное: потенциально опасных элементов не казнили, а выгоняли из города, позволяя им пополнять армию противника; арестованные радикалы до самого конца осады мирно дожидались суда, поскольку в городе не было сформированных законным путем судебных органов.

Лион времен осады был и террористическим, и гуманным, и демократическим, и диктаторским. Он был увешан революционными эмблемами, но командовать своей армией поручил роялисту. Он имел свой максимум и свой закон о подозрительных, но отвергал всё, что связано с якобинцами. Он был всем понемногу и ничем в полной мере. И, возможно, потому и проиграл.

Источники

Doppet A. Destruction de la Vendée lyonnaise. Ville affranchie : Vatar-Delaroche, 1793.

Guillon A. Histoire de siège de Lyon, des événements qui l'ont précédé et des désastres qui l'ont suivi. Paris : Le Clere ; Lyon : Rusand, Daval, 1797. Vol. 2.

Journal de Lyon, ou Moniteur du département de Rhone et Loire, dédié aux sections et aux bataillons de la ville de Lyon (Carrier). Lyon : Revol. № 128.

Lyon en 1793: procès-verbaux authentiques et inédits du Comité de surveillance de la section des droits de l'homme pendant le siège / publ. par M. P. Gonon. Lyon : Mothon, 1847.

Lyon en 1793. Le siège. Notes et documents / A. Metzger, J. Vaesen. Lyon : Henri Georg, 1886.

Procès-verbaux des séances de la Commission populaire républicaine et de salut public de Rhône-et-Loire, 30 juin — 8 octobre 1793 / recueillis et publ. pour les conseils généraux du Rhône & de la Loire par G. Guigue. Trévoux : Jules Jeannin, 1899.

Исследования

Riffaterre C. Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793. Genève : Megariotis Reprints, 1979. T. 2.

Trenard L. La Révolution Française dans la région Rhône-Alpes. Paris : Perrin, 1992.

References

Riffaterre, C. (1979). *Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793* (Vol. 2). Genève: Megariotis Reprints. (In French)

Trenard, L. (1992). *La Révolution Française dans la région Rhône-Alpes*. Paris: Perrin (In French)

Чепурина Мария Юрьевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
западноевропейских и средиземноморских
исторических исследований
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва, Мароновский пер., 26
E-mail: chepurinamaria@yandex.ru

Chepurina, Maria Yurievna

PhD (History), Senior Researcher
Laboratory of Western European and
Mediterranean Historical Studies
State Academic University for the Humanities
26, Maronovsky Lane, 119049 Moscow, Russia
Email: chepurinamaria@yandex.ru
Researcher ID: K-5787-2017